

О. С. Гринь*

Трансформации требований к форме договоров с учетом развития цифровых технологий¹

Аннотация. В статье рассмотрены основные вопросы совершенствования российского гражданского законодательства о форме сделки, большая часть которых связана с принятием Федерального закона от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации». Принятие данных изменений было обусловлено реализацией федерального проекта «Нормативное регулирование цифровой среды» в рамках национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации». Автором отмечено сходство воспринятых российским законодателем подходов с положениями международных актов, в частности Типового закона ЮНСИТРАЛ об электронной торговле 1996 г. и Конвенции ООН «Об использовании электронных сообщений в международных договорах» 2005 г. Сделан вывод, что в результате трансформации требований к форме договоров предусмотрены 2 основные вариации письменной формы (один документ, подписанный сторонами, и обмен документами) и 2 базовые фикции такой формы (акцепт действием на письменную оферту и совершение сделки с помощью электронных либо иных технических средств).

Ключевые слова: договор, сделка, оферта, акцепт, форма сделки, письменная форма, электронная форма, электронное сообщение, фикция письменной формы, цифровые технологии, цифровая экономика.

DOI: 10.17803/1994-1471.2019.103.6.049-057

Как известно, развитие цифровых технологий — реальность настоящего времени и фактор, который необходимо учитывать при правоприменении и в законотворческом процессе. Обеспечение ускоренного внедрения цифровых технологий в экономике и социальной сфере является одной из национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 г. (п. 1 Указа Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стра-

тегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»² (далее — Указ Президента РФ № 204)).

В соответствии с данным Указом Правительством Российской Федерации совместно с органами государственной власти субъектов Российской Федерации должна быть решена задача по созданию системы правового регулирования цифровой экономики, основанного на гибком подходе в каждой сфере, а также по внедрению гражданско-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16200 «Трансформация концептуальных основ договорного права в условиях развития цифровых технологий: смарт-контракты и иные новеллы договорного регулирования».

² СЗ РФ. 2018. № 20. Ст. 2817.

© Гринь О. С., 2019

* Гринь Олег Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
osgrin@msal.ru

125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

го оборота на базе цифровых технологий (абз. 1 пп. «б» п. 11 Указа Президента РФ № 204).

Соответствующие положения включены в состав национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»³, в рамках которой предусмотрена реализация федерального проекта «Нормативное регулирование цифровой среды» (проект 4.1)⁴.

В указанном проекте, в частности, речь идет о необходимости принятия федерального закона, *предусматривающего «урегулирование статуса совершаемых в письменной (электронной) форме сделок»*, а также автоматизированных («самоисполняемых») договоров (п. 1.3) (к слову, в Программе, утвержденной 28 декабря 2018 г., был установлен срок реализации данного мероприятия — 31 декабря 2018 г.) и принятия федерального закона, предусматривающего уточнение понятия электронного документа, определение процедур хранения документов, в том числе электронных, использования и хранения электронного дубликата (электронного образа) документа (п. 1.4).

Классические цивилистические положения, в том числе о форме сделок, содержащиеся в Гражданском кодексе Российской Федерации, в таких условиях подлежали оценке с позиций новой технологической реальности и необходимости реализации указанных программных документов.

Как известно, исходя из положений закона, договор в письменной форме может быть заключен путем:

- 1) составления одного подписанного сторонами документа;
- 2) путем обмена письмами, телеграммами, телексами, телефаксами и иными документами, в том числе электронными документами, передаваемыми по каналам связи, позволяющими достоверно установить, что документ

исходит от стороны по договору (п. 2 ст. 434 ГК РФ).

Общая фикция письменной формы закреплена в положениях п. 3 ст. 434 ГК РФ: она считается соблюденной, если письменное предложение заключить договор принято путем совершения лицом, получившим оферту, в срок, установленный для ее акцепта, действий по выполнению указанных в ней условий договора (отгрузка товаров, предоставление услуг, выполнение работ, уплата соответствующей суммы и т.п.), если иное не предусмотрено законом, иными правовыми актами или не указано в оферте (п. 3 ст. 438 ГК РФ).

Помимо этого, действующему гражданскому законодательству известны «упрощенные порядки» заключения договора.

В качестве примера можно привести лицензии в отношении программ для ЭВМ и баз данных (называемые в литературе «оборотными» лицензиями). Условия таких лицензионных договоров могут быть изложены на приобретаемом экземпляре программы для ЭВМ или базы данных либо на упаковке такого экземпляра, а также в электронном виде (п. 2 ст. 434 ГК РФ). Начало использования программы для ЭВМ или базы данных пользователем, как оно определяется указанными условиями, означает его согласие на заключение договора. В этом случае письменная форма договора считается соблюденной (п. 5 ст. 1286 ГК РФ).

Помимо этого, через категорию упрощенного порядка раскрывается понятие открытой лицензии на использование объектов авторских прав. Все условия такой лицензии должны быть доступны неопределенному кругу лиц и размещены таким образом, чтобы лицензиат ознакомился с ними перед началом использования соответствующего произведения. В открытой лицензии может содержаться указание на дей-

³ См.: Правовое регулирование экономических отношений в современных условиях развития цифровой экономики : монография / отв. ред. В. А. Вайпан, М. А. Егорова. М. : Юстицинформ, 2019 ; Вайпан В. А. Правовое регулирование цифровой экономики // Предпринимательское право. Приложение «Право и бизнес». 2018. № 1. С. 12—17.

⁴ Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 24 декабря 2018 г. № 16) // URL: <http://government.ru/info/35568/> (дата обращения: 25.04.2019).

ствия, совершение которых будет считаться акцептом ее условий (ст. 438 ГК РФ). В этом случае письменная форма договора считается соблюденной (абз. 2. п. 1 ст. 1286.1 ГК РФ).

Указанные примеры «упрощенных порядков» заключения договоров — частные случаи фиксации письменной формы, закрепленной в п. 3 ст. 434 ГК РФ.

Фактическая трансформация требований к форме сделок обусловлена тем известным обстоятельством, что на практике многие договоры достаточно давно заключаются с использованием сети «Интернет».

Можно выделить следующие разновидности таких способов заключения договоров: через интернет-сайты, посредством электронной почты.

Заключение договора посредством электронной почты отвечает предусмотренному в законе механизму «обмена документами» как одному из способов заключения договора в письменной форме (при использовании необходимых способов легализации соответствующей переписки).

В отношении заключения договора через интернет-сайты ситуация иная. Здесь используются две основные вариации заключения соглашений через интернет-сайты: *click-wrap* — пользователю предоставляется возможность ознакомиться с условиями договора и в случае согласия нажать соответствующую кнопку; *browse-wrap (web-wrap)* — при данной модели либо пользователю предоставляется возможность перейти по гиперссылке и при желании ознакомиться с условиями, либо высвечивается надпись о том, что, продолжая пользоваться этим сайтом, он принимает условия соглашения. При этом пользователь не выражает согласия с условиями в явной форме⁵.

Местом заключения договора, который оформлен с использованием Интернета, считается место жительства или нахождения лица, направившего предложение о заключении договора (оферту), если в договоре не указано иное (ст. 444 ГК РФ).

В научной литературе высказывались разные мнения в отношении соответствия *click-wrap*-соглашений требованиям о письменной форме сделки.

Так, например, В. С. Витко считает, что такого соответствия нет. Автор обосновывает свою позицию действовавшей на тот момент редакцией п. 3 ст. 1286 ГК РФ, в которой указывалось на возможность изложения условий договора на экземпляре программы для ЭВМ (в настоящее время — п. 5 указанной статьи). При этом, по его мнению, «соглашение заключается не в порядке, предусмотренном п. 3 ст. 438 ГК РФ, так как в этом случае отсутствует письменное предложение правообладателя заключить лицензионный договор и поэтому такие соглашения должны считаться недействительными (ничтожными) по причине несоблюдения письменной формы»⁶.

В свою очередь, А. И. Савельев полагает, что такое соответствие есть. В качестве аргумента автором приводятся положения п. 3 ст. 434 и п. 3 ст. 438 ГК РФ: «При заключении *click-wrap*-соглашения имеет место предложение заключить договор, исходящее от правообладателя (провайдера). Данное предложение изложено в письменной форме, т.е. с использованием алфавита, набора букв и иных письменных символов. Такое предложение можно расценивать как оферту, поскольку оно, как правило, содержит указания на его юридически обязывающий характер и намерение оферента считать себя связанным им в случае его акцепта пользователем... Поскольку в тексте соглашения имеются указания на то, что, кликая по кнопке «я согласен», пользователь выражает свое согласие с условиями договора, совершение таких действий является действием по выполнению указанных в оферте условий, т.е. акцептом письменной оферты конклюдентными действиями»⁷.

Как видно, спор здесь сводится к вопросу о квалификации соответствующих действий правообладателя, или потенциального продав-

⁵ См.: Савельев А. И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. М. : Статут, 2016. 640 с.

⁶ Витко В. С. Гражданско-правовая природа лицензионного договора. М. : Статут, 2011. 301 с.

⁷ Савельев А. И. Указ. соч.

ца, исполнителя, подрядчика и др. именно как письменной оферты.

По этому вопросу необходимо отметить, что наличие письменной оферты в случае заключения click-wrap-соглашений не подлежит оспариванию, когда такое предложение отвечает признакам, содержащимся в ст. 435 ГК РФ:

- достаточная определенность;
- выражение оферентом намерения считать себя заключившим договор с адресатом, которым будет принято предложение;
- содержание в тексте существенных условий договора.

Поэтому в большинстве случаев такие контракты могут быть квалифицированы как заключенные в письменной форме на основании п. 3 ст. 434 и п. 3 ст. 438 ГК РФ.

При совершении соглашений по модели browse-wrap (web-wrap) ситуация осложняется тем, что пользователь не выражает согласия с предлагаемыми условиями в явной форме⁸. Во многом это зависит от способа визуализации соответствующей информации на сайте, поэтому действия пользователя не всегда могут быть расценены как акцепт. В таких условиях вряд ли следует говорить о возможности определения общего правила о соответствии или несоответствии таких соглашений требованиям о письменной форме сделки. Поэтому решение этого вопроса возможно лишь в каждом конкретном случае с учетом фактических обстоятельств дела.

В приведенном выше положении национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» речь идет об «урегулировании статуса совершаемых в письменной (электронной) форме сделок». Такая формулировка порождает вопросы не столько о правовом режиме соответствующих сделок, сколько о соотношении данных категорий — письменной формы и «электронной формы» сделок. Является ли такая форма самостоятельной или же исключительно разновидностью письменной формы? И если разновидностью, то в рамках

автономного способа наряду с уже известными ст. 160 ГК РФ и ст. 434 ГК РФ либо новой разновидностью реализации фикции письменной формы, предусмотренной п. 3 ст. 434 ГК РФ?

При регулировании данных отношений и решении этого вопроса важно учитывать международный и зарубежный опыт, в частности отраженный в документах унификации частного права.

Прежде всего необходимо отметить положения Типового закона ЮНСИТРАЛ об электронной торговле 1996 г.⁹ (далее — Типовой закон ЮНСИТРАЛ), где используется термин «сообщение данных» (data message), который раскрывается как информация, подготовленная, отправленная, полученная или хранимая с помощью электронных, оптических или аналогичных средств, включая электронный обмен данными (ЭДИ), электронную почту, телеграмму, телекс или телефакс, но не ограничиваясь ими.

В соответствии со ст. 11 Типового закона ЮНСИТРАЛ в контексте заключения контрактов, если стороны не договорились об ином, оферта и акцепт оферты могут производиться с помощью сообщений данных. В случае когда при заключении контракта используется сообщение данных, этот контракт не может быть лишен действительности или исковой силы на том лишь основании, что для этой цели использовалось сообщение данных.

В отношении письменной формы в Типовом законе ЮНСИТРАЛ зафиксировано правило о том, что когда законодательство требует, чтобы информация была представлена в письменной форме, это требование считается выполненным путем представления сообщения данных, если содержащаяся в нем информация является доступной для ее последующего использования (ст. 6).

Указанные положения нашли свое отражение в **Конвенции ООН «Об использовании электронных сообщений в международных договорах»** (принята резолюцией 60/21 Генеральной Ассамблеи от 23 ноября 2005 г.)¹⁰ (да-

⁸ См.: Савельев А. И. Указ. соч.

⁹ URL: http://www.uncitral.org/pdf/russian/texts/electcom/05-89452_Ebook.pdf (дата обращения: 25.04.2019)

¹⁰ URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/elect_com.shtml (дата обращения: 25.04.2019).

лее — Конвенция ООН). Так, в силу ст. 8 Конвенции ООН сообщение или договор не могут быть лишены действительности или исковой силы на том лишь основании, что они составлены в форме электронного сообщения (electronic communications); ничто в Конвенции ООН не требует от какой-либо стороны использовать или принимать электронные сообщения, однако ее согласие на это может быть выведено из поведения этой стороны.

Из статьи 9 Конвенции ООН следует вывод о том, что сделки, совершаемые посредством электронных сообщений, квалифицируются как *разновидность письменной формы сделок*: в случаях, когда законодательство требует, чтобы сообщение или договор были представлены в письменной форме либо предусматривает наступление определенных последствий в случае отсутствия письменной формы, это требование считается выполненным путем представления электронного сообщения, если содержащаяся в нем информация является доступной для последующего использования.

В Модельных правилах европейского частного права (Draft of Common Frame of Reference, DCFR) направление электронных сообщений или аналогичные этому конструкции в базовых нормах о формах сделок не упоминаются. В данном акте прежде всего раскрываются понятия электронной подписи, которое означает сведения, закрепленные в электронной форме, которые присоединены к другим сведениям или логически объединены с другими сведениями в электронной форме и которые используются как способ идентификации (I.-1:107(3)). При этом термин «электронный» означает относящийся к электронным, цифровым, магнитным, беспроводным, оптическим, электромагнитным или аналогичным техническим возможностям (I.-1:107(5)).

Вместе с тем в DCFR специально оговаривается (II.-9:103 (2)), что если *договор должен быть заключен с помощью электронных средств* (if a contract is to be concluded by electronic means), сторона, предложившая условия, которые не

были согласованы специально, может ссылаться на них в отношениях с другой стороной, только если они были доведены до другой стороны в форме текста.

Согласно данному акту заявление признается сделанным в письменной форме, если оно сделано в форме текста, состоящего из знаков, которые разборчиво изображены на бумаге или ином материальном носителе (1.-1:106).

В статье 1.-1:106 также раскрываются категории текстовой формы и материального носителя. Текстовая форма означает текст, который выражен с помощью букв алфавита или иных печатных знаков при помощи средств, позволяющих прочесть, записать и *воспроизвести на материальном носителе содержащуюся в тексте информацию*. Термин «материальный носитель» означает носитель, на котором информация может быть сохранена таким образом, чтобы *она была доступна для ознакомления в будущем* в течение достаточного, исходя из назначения информации, периода времени и чтобы ее было можно воспроизводить в неизменном виде¹¹.

Как следует из приведенных выше фрагментов международных актов, важнейшим критерием соответствия информации в электронной форме требованиям письменной формы является доступность и воспроизводимость информации для последующего использования.

При этом, исходя из формулировок, содержащихся в приведенных выше нормах Конвенции ООН и Типового закона ЮНСИТРАЛ, — «требование считается выполненным путем представления электронного сообщения (requirement is met by an electronic communication)» — можно говорить о закреплении в данных документах правила о фикции письменной формы сделки.

В то же время в законодательстве ряда иностранных государств используется понятие *электронной формы сделки*.

Так, например, в соответствии с § 126a (Elektronische Form) Германского гражданского уложения (ГГУ)¹² сделка, требующая письмен-

¹¹ Модельные правила европейского частного права = Draft of Common Frame of Reference : пер. с англ. / науч. ред. Н. Ю. Рассказова. М. : Статут, 2013.

¹² URL: <http://www.gesetze-im-internet.de/bgb/index.html> (дата обращения: 25.04.2019).

ной формы, может быть совершена в электронной форме и подписана квалифицированной электронной подписью. В § 312с ГГУ предусматривается возможность заключения договоров дистанционным способом.

В США модельные подходы находят свое отражение, в частности, в Единообразном законе США об электронных сделках 1999 г.¹³ Согласно данному закону стороны вправе согласовать использование *электронной формы (electronic form)*, электронной подписи, электронных средств безопасности и установить содержание сделки.

В законодательстве Сингапура, напротив, нашли отражение подходы, закрепленные в Типовом законе ЮНСИТРАЛ и Конвенции ООН. В Акте об электронных транзакциях 2010 г. (The Electronic Transactions Act, ETA)¹⁴ закрепляется понятие электронного документа или «электронной записи» (electronic record), а понятие электронной формы сделки не используется.

Решение вопроса о регламентации порядка совершения сделок с использованием цифровых технологий в нашей стране осуществлялось в рамках рассмотрения проекта федерального закона № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации»¹⁵, который был внесен в Государственную Думу еще 26 марта 2018 г. В настоящее время соответствующий закон принят — Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации»¹⁶ вступает в силу с 1 октября 2019 г.

Следует отметить, что данный законопроект существенно дорабатывался на разных стадиях его рассмотрения. В частности, в ходе доработки документа на этапе второго чтения был учтен ряд замечаний, отраженных в заключении Сове-

та при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 17 января 2019 г.¹⁷

В результате положения п. 1 ст. 160 ГК РФ были дополнены абзацем 2, в котором указано, что письменная форма сделки считается соблюденной также в случае совершения лицом сделки *с помощью электронных либо иных технических средств, позволяющих воспроизвести на материальном носителе в неизменном виде содержание сделки*, при этом требование о наличии подписи считается выполненным, если использован любой способ, позволяющий достоверно определить лицо, выразившее волю. Законом, иными правовыми актами и соглашением сторон может быть предусмотрен специальный способ достоверного определения лица, выразившего волю.

Отрадно отметить, что в итоговом варианте закона нашла отражение формулировка, которая характеризует соответствующие технические средства как *позволяющие воспроизвести на материальном носителе в неизменном виде содержание сделки* — в первых вариантах документа такого положения не было, а именно оно имеет важнейшее значение для недопустимости нарушения прав участников оборота, в том числе потребителей. Такое решение полностью соответствует приведенным выше положениям международных документов (Конвенции ООН и Типового закона ЮНСИТРАЛ), где отражено требование воспроизводимости как условие для квалификации формы сделки как письменной.

Вместе с тем в итоговой версии Закона не учтено замечание, содержащееся в упомянутом выше заключении Совета по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства о том, что не вполне понятно, что имеется в виду под «электронными либо иными аналогичными техническими средствами»

¹³ URL: <https://www.uniformlaws.org/HigherLogic/System/DownloadDocumentFile.ashx?DocumentFileKey=dac19487-e89c-0305-53fd-b0da7d68d22f&forceDialog=0> (дата обращения: 25.04.2019).

¹⁴ Electronic Transactions Act — Singapore Statutes Online // URL: <https://sso.agc.gov.sg/Act/88> (дата обращения: 25.04.2019).

¹⁵ URL: <http://sozd.parliament.gov.ru/bill/424632-7> (дата обращения: 25.04.2019).

¹⁶ СЗ РФ. 2019. № 12. Ст. 1224.

¹⁷ URL: <http://privlaw.ru/povestka-36/> (дата обращения: 25.04.2019).

(в принятой редакции слово «аналогичными» отсутствует).

Очевидно, что оценка рисков неопределенности указанной формулировки после 1 октября 2019 г. будет предметом анализа правоприменительной практики.

В отношении установленного требования о наличии подписи («использован любой способ, позволяющий достоверно определить лицо, выразившее волю; законом, иными правовыми актами и соглашением сторон может быть предусмотрен специальный способ достоверного определения лица, выразившего волю») необходимо отметить, что системность такого решения, очевидно, будет завершена после совершенствования законодательства об идентификации. Такое совершенствование, по всей видимости, будет осуществлено на основе проекта федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты (в части уточнения процедур идентификации и аутентификации)» (подготовлен Минкомсвязью России)¹⁸. Данным законопроектом предлагается дополнить положения Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» понятиями «идентификатор», «идентификация, аутентификация лица», ввести понятие и регулирование «цифрового профиля» (своего рода прообраза электронного паспорта), внести корреспондирующие изменения в Федеральные законы «О связи», «О персональных данных», «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Очевидно, что толкование положений ГК РФ о *любом способе, позволяющий достоверно определить лицо, выразившее волю*, будет корреспондировать с предлагаемыми изменениями законодательства об идентификации.

Изменениям также подвергся п. 2 ст. 434 ГК РФ, где новой редакции которого указано, что договор в письменной форме может быть заключен путем составления одного документа (в том числе электронного), подписанного сторонами, или обмена письмами, телеграм-

мами, электронными документами либо иными данными в соответствии с правилами абз. 2 п. 1 ст. 160 ГК РФ.

Помимо того что из прошлой системы описания обмена документами исключены не часто используемые на практике телексы и телефаксы (которые теперь, очевидно, могут отправляться в рамках использования «иных технических средств», о которых идет речь в новой редакции нормы п. 1 ст. 160 ГК РФ), гораздо более важен тот факт, что из ГК РФ исключается термин «электронный документ».

Согласно абз. 2 п. 2 ст. 434 ГК РФ (в ред. Федерального закона от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ), который утратит силу с 1 октября 2019 г., электронным документом, передаваемым по каналам связи, признается информация, подготовленная, отправленная, полученная или хранимая с помощью электронных, магнитных, оптических либо аналогичных средств, включая обмен информацией в электронной форме и электронную почту.

С 1 октября 2019 г. при толковании положений ГК РФ об электронных документах, которых, к слову, станет значительно больше (поскольку Федеральным законом от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ внесены изменения, касающиеся электронных документов, в нормы ст. 493 ГК РФ о розничной купле-продаже, ст. 860.2 ГК РФ о номинальном счете, ст. 940 ГК РФ о договоре страхования), необходимо будет руководствоваться положением, содержащимся в Федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Здесь под электронным документом понимается документированная информация, представленная в электронной форме, то есть в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах (п. 11.1 ст. 2).

Как несложно заметить, законодатель отказался от предлагаемого ему изначально подхо-

¹⁸ Текст в соответствии с публикацией на сайте <http://regulation.gov.ru/> по состоянию на 25.03.2019 (по состоянию на 25 апреля 2019 г. не внесен в Государственную Думу).

да о выделении специальной категории «электронной формы сделки» (известного, в частности, германскому и американскому праву) и воспринял подходы, отраженные в Конвенции ООН и Типовом законе ЮНСИТРАЛ. Введен еще один случай фикции письменной формы договора, поскольку при совершении сделки с помощью электронных либо иных технических средств такая форма лишь «считается соблюденной».

Решение данного вопроса могло бы, в частности, осуществиться в рамках дополнения п. 3 ст. 438 ГК РФ нормой о том, что акцептом может считаться не только исполнение договора, но и совершение иных действий, указанных

в оферте (в том числе акцепта в электронном виде). Однако то решение, которое принял законодатель, в большей степени отвечает интересам стабильности таких сделок, поскольку снимает возможный аргумент о спорности природы оферты в электронной форме как письменной.

Таким образом, в результате состоявшихся изменений в положениях гражданского законодательства о письменной форме сделке предусмотрены 2 основные ее вариации (один документ, подписанный сторонами, и обмен документами) и 2 базовые фикции письменной формы (акцепт действием на письменную оферту и совершение сделки с помощью электронных либо иных технических средств).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Вайпан В. А. Правовое регулирование цифровой экономики // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». — 2018. — № 1. — С. 12—17.
2. Витко В. С. Гражданско-правовая природа лицензионного договора. — М. : Статут, 2011. — 301 с.
3. Модельные правила европейского частного права = Draft of Common Frame of Reference : пер. с англ. / науч. ред. Н. Ю. Рассказова. — М. : Статут, 2013.
4. Правовое регулирование экономических отношений в современных условиях развития цифровой экономики : монография / отв. ред. В. А. Вайпан, М. А. Егорова. — М. : Юстицинформ, 2019. — 376 с.
5. Савельев А. И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. — М. : Статут, 2016. — 640 с.

Материал поступил в редакцию 6 мая 2019 г.

TRANSFORMATION OF CONTRACT FORM REQUIREMENTS BASED ON THE DEVELOPMENT OF DIGITAL TECHNOLOGIES¹⁹

GRIN Oleg Sergeevich, PhD in Law, Associate Professor of the Department of Civil Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
osgrin@msal.ru
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9

Abstract. *The article deals with the main issues of improving the Russian civil laws concerning the form of transaction the majority of which are associated with the adoption of the Federal Law of March 18, 2019, No. 34-FZ «On Amendments to Parts I, II and Article 1124 of Part III of the Civil Code of the Russian Federation.» The adoption of amendments mentioned above was preconditioned by the implementation of the federal project «Normative*

¹⁹ The study was carried out with the financial support of RFBR within the framework of the scientific project No. 18-29-16081 «Transformation of the Conceptual Foundations of Contract Law in the Context of Digital Technologies Development: Smart Contracts and Other Novelties of Contract Regulation».

Regulation of the Digital Environment» within the framework of the National Program «Digital Economy of the Russian Federation.» The author highlights similarity of approaches perceived by the Russian law-maker with the provisions of international instruments, in particular the UNCITRAL Model Law on Electronic Commerce of 1996 and the UN Convention on «The Use of Electronic Communications in International Contracts» 2005. It is concluded that, as a result of transformation of requirements for the form of contracts, 2 main variations of written form (a single document signed by the parties, and exchange of documents) and 2 basic fictions of this form (accepting by conduct of a written offer and making a transaction by electronic or other technical means) have been approved.

Keywords: contract, transaction, offer, acceptance, form of transaction, written form, electronic form, electronic communication, fiction of a written form, digital technologies, digital economy.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Vajpan V. A. Pravovoe regulirovanie cifrovoj ekonomiki // Predprinimatel'skoe pravo. Prilozhenie «Pravo i Biznes». — 2018. — № 1. — S. 12—17.
2. Vitko V. S. Grazhdansko-pravovaya priroda licenzionnogo dogovora. — M. : Statut, 2011. — 301 s.
3. Model'nye pravila evropejskogo chastnogo prava = Draft of Common Frame of Reference : per. s angl. / nauch. red. N. Yu. Rasskazova. — M. : Statut, 2013.
4. Pravovoe regulirovanie ekonomicheskikh otnoshenij v sovremennykh usloviyakh razvitiya cifrovoj ekonomiki : monografiya / otv. red. V. A. Vajpan, M. A. Egorova. — M. : Yusticinform, 2019. — 376 s.
5. Savel'ev A. I. Elektronnaya kommerciya v Rossii i za rubezhom: pravovoe regulirovanie. — M. : Statut, 2016. — 640 s.